

ХРОНИКА

XVII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ
В ВАШИНГТОНЕ

3—7 августа 1986 г. в Вашингтоне состоялся XVII Международный конгресс византистов. Его заседания проходили в Центре византийских исследований Гарвардского университета в Думбартон Оксе и Джорджтаунском университете. Председателем оргкомитета являлась глава Национального комитета византистов США М. Фрэзер.

В работе Конгресса участвовало свыше 500 делегатов из 30 стран. И хотя он собрал меньше участников, чем XV и XVI Конгрессы в Афинах и Вене (сказалась удаленность места проведения от основных европейских центров византиноведения), многие делегации были весьма представительными и включали ведущих ученых. Такими были делегации США, ФРГ, Греции, Франции, Великобритании, СССР, Италии, Канады. Активно участвовали в работе Конгресса византисты НРБ, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, ЧССР, Югославии. В состав советской делегации, которую возглавлял член-корреспондент АН СССР З. В. Удальцова, входили: А. Д. Алексидзе, Р. М. Бартиян, М. В. Бибиков, Е. Д. Джагацянян, И. С. Достян, С. А. Иванов, С. П. Карпов, Г. Г. Литаврин, И. П. Медведев, Р. А. Наследова, К. В. Хвостова, Я. Н. Шапов.

Работа Конгресса привлекла внимание американской и международной общественности, освещалась в американской прессе, по радио и телевидению.

На данном Конгрессе, как никак другом, сказалась смена поколений исследователей. В нем не смогли принять участие такие старейшие и крупнейшие ученые, как прежний президент Международной ассоциации византистов проф. Г. Хунгер (Австрия), Х.-К. Бек (ФРГ), С. Рэнсимен и Д. Оболенский (Англия), П. Лемерль (Франция), Д. Закифинос (Греция), Б. Лаваньяни (Италия) и ряд других. Тем не менее, конгресс стал важным событием мировой византистики, объединив всех активно действующих ныне византистов мира.

Главной темой конгресса была объявлена проблема «Кризис и континуитет в Византии», предполагавшая, по замыслу организаторов, рассмотрение вопросов преемственности византийской средневековой христианской и античной языческой римской цивилизаций, а также того нового, что несла с собой первая из них, тех факторов, которые вызвали «кризис» системы культурных и идеологических ценностей. Прежде всего эта

проблема решалась на примере христианизации империи, которой было посвящено пленарное заседание первой секции и ряд «послеобеденных» специализированных коллоквиумов. С основными докладами на пленарном заседании первой секции выступили американский исследователь Р. Макмаллен, ученый из ГДР И. Ирмшер, советский исследователь И. П. Медведев, англичанка А. Кэмерон, скриптор Ватиканской библиотеки В. Пери и ученый из ФРГ Й. Энгеманн.

В докладе Р. Макмаллена «Значение 312 года: трудности обращения империи» была рассмотрена уникальная в религиозно-идеологическом отношении обстановка в империи непосредственно накануне опубликования Миланского эдикта, когда старая языческая и новая христианская религии «столкнулись лицом к лицу», когда они находились в известном равновесии до такой степени, что «даже в голове одного и того же человека старые обычаи и его приверженность новой религии вполне могли ужиться и сосуществовать». Именно «религиозный плюрализм», по мнению докладчика, был характерной чертой данного периода, когда общество, по существу, не было ни языческим, ни христианским, но скорее и тем и другим, а каждый гражданин фактически был свободен интерпретировать на свой собственный вкус продолжающееся существование древних обычаев и институтов, в частности в сфере императорского культа с его титулом *divus* и церемонией *proskynesis* или *adoratio*. Именно в этой обстановке всеобщего смешения верований становится возможным, чтобы христианский император продолжал называть себя *divus* и даже *pater*, чтобы он благосклонно внимал почестям, которые ему оказывали языческие *sacerdotes* и *flamines*, а также панегирикам языческих риторов и поэтов. Перспективы еще не ясны, и впереди — длительный, трудоский и далеко не однозначный процесс преодоления и искоренения паганизма.

Таким образом, уже в этом докладе была намечена проблема, которой специально были посвящены два следующих доклада (вернее, содоклада), сохранение языческих институтов и верований в христианской империи (с подзаголовком: «судьба побежденного»).

В докладе И. Ирмшера «Языческий континуитет в юстиниановом государстве» было убедительно показано, что

вопреки утверждению императора Феодосия II, заявившего в 423 г. о том, что в империи больше не осталось язычников (СTh. 16, 10, 22), факты свидетельствуют о другом: вплоть до Юстиниана I и даже еще позднее — до Тиверия I, «мы вправе говорить о языческом континуитете в его многообразных формах». Несмотря на ожесточенные идеологические споры, на репрессивные меры против еретиков и людей, стоявших вне государственной религии, несмотря на то, что были созданы правовые основы уголовного преследования еретиков и язычников (запреты на профессию, на занятие должностей, конфискация имущества, неспособность наследования и т. д.), паганизм продолжал выполнять свою роль «идеологического коррелята идее империи». Как в столице и других крупных городах империи, так и — особенно долго — в более отдаленных районах (например, в долине Нила, в Верхнем Египте) все еще в ходу были языческие обычаи, сохранялись традиции античной образованности (в Константинополе среди высшего общества широкое хождение имели сборники античных эпиграмм), «все снова и снова прорывался эллинизм». Своеобразное сочетание гонений на язычников, как и других «диссидентов всякого рода», с попытками правительства действовать методом убеждения и с допущением известной толерантности в отношении язычества определяет, по мысли докладчика, весь «духовный облик века Юстиниана».

Рецидивам языческого мировоззрения в поздневизантийскую эпоху посвящен доклад И. П. Медведева «Дело вероотступника Ювеналия с юридической точки зрения». В нем рассмотрена такая типичная, по мнению автора, для христианской Византии форма идеологической борьбы, как вероотступничество, то есть отречение от христианской веры лиц, ранее принявших христианство, и их возврат к язычеству, попытка преобразования на неоязыческой основе всей жизни общества. На основании юридической интерпретации одного политического процесса над вероотступником Ювеналием (сер. XV в.) И. П. Медведев снимает покров благодушия и идиллии с весьма распространенных в зарубежной историографии представлений о вполне благополучной судьбе языческих институтов и верований в христианизированном византийском обществе. Он показывает, что за исповедание убеждений, отличных от господствовавших христианских и обличенных в одежды неоязычества, а на самом деле заключающих в себе зачатки нового видения мира, нового мировоззрения, рожденного эпохой Ренессанса, людям приходилось проливать кровь, жертвовать жизнью.

В докладе показано, что «дело Ювеналия» не было изолированным эпизодом, оно вписывается в общие рамки того оппозиционного по отношению к господствующей церкви и религии неоязыческого движения, центром которого в то время был Пелопоннес. а главой — знаменитый Георгий Гемист Плифон, философ-неопла-

тоник, один из наиболее значительных представителей византийской культуры XV в. Неоплатонизм Плифона, предусматривавший упразднение христианского вероучения, создание нового религиозного культа и преобразование всей жизни общества на платоновской основе, стал программой деятельности его тайного общества, членом которого, по всей вероятности, и был Ювеналий.

«Новое и старое в христианской литературе» — такова тема доклада английской исследовательницы А. Кэмерон, в котором была предпринята попытка рассмотреть диалектический процесс возникновения христианской литературы как таковой. В докладе констатируется, что большинство христианских литературных жанров, получивших свое дальнейшее развитие и преобладание в более поздние времена византийской истории, «родились в контексте социальных и экономических условий Поздней Римской империи». Автор придерживается той точки зрения, что связь между евангельскими повествованиями и языческими «жизнеописаниями» существовала, но что на основании этого неверно было бы заключить, что «одно развилось из другого». По мнению А. Кэмерон, христианская литература не копировала классических форм литературы языческой, не ответвлялась и не исходила из них, но «существовала бок о бок с ними и, во всяком случае, частично развивалась по тем же самым социальным причинам». Этот тезис, однако, противоречил (и это было отмечено в критике по докладу) некоторым другим утверждениям докладчика, например, о том, что «принимая во внимание исключительную живучесть традиционного образования в империи и почти исключительное место, которое занимала в нем риторика, было неизбежным, чтобы христианская письменность использовала некоторые классические условности и классические формы». Точно так же А. Кэмерон проявляет непоследовательность, когда, вопреки утверждению об изначальной заданности христианских литературных жанров, считает, что «по мере того, как культурная элита (Византии) становилась все более христианизированной, она порождала новые формы христианской письменности». Формализационный период христианской литературы, увиденный с византийской перспективы, — это, по мнению докладчика, века между обращением Константина и «кризисом VII в.». Именно в период этого кризиса, который прервал континуитет классической культурной традиции, христианство прочно установилось как составная (и, возможно, самая сильная и наиболее стабильная) часть структуры Византийского государства — таков заключительный вывод докладчика.

Пространный доклад ученого из Ватикана В. Перп «Всеелеские соборы как основное структурное звено церковной иерархии» был посвящен выстраиванию идеи вселенских соборов, формированию соборной традиции церкви. Докладчик характеризует это как процесс усвоения церковью процедур и органи-

зационных критериев, свойственных гражданским и религиозным «ассамблеям» тех времен (римского сената, жреческих *consilia*, корпораций и магистратов муниципиев империи и т. д.). Фундаментом «церковной иерархии» (это понятие вошло в лексикон экклесиологичеки, а затем и канонического права, только с Псевдо-Дионисием и было отражением неоплатонического *taxis* Прокла) послужила, однако, концепция *synxoniae*, изложенная уже в Евангелии от Матфея. Впервые слово *consilium* у христиан употребил Тертулиан, в то время как греческое слово *σύνδοχος* в его техническом значении фигурирует в начале III в. у Дионисия Александрийского, а в латинской транскрипции (*synodus* — синоним *consilium*) оно появляется в письме епископа Потамия из Лиссабона к Афанасию Александрийскому. Что же касается самого понятия «вселенский собор» (*ἡ οὐνομένη ἐκκλησία συνόδος*), то впервые его употребил св. Афанасий, хотя идея созвать вселенский собор, который бы объединял всех епископов ойкумены, родилась, по мнению Перри, в кругах императорского двора, показавшись церковным иерархам совершенно естественной и совместимой с установившейся уже давно, еще в период нелегальности и преследований, церковной традицией.

Завершилось пленарное заседание 1-й секции вызвавшим большой интерес докладом ученого из ФРГ И. Энгеманна «Христианизация позднеантичного искусства». Сопровождая изложение своего доклада демонстрацией большого количества превосходных цветных слайдов, Энгеманн на материале различных групп памятников (например, римских саркофагов) показал процесс проникновения христианских мотивов в традиционные сюжеты, а также сосуществование христианского и нехристианского искусства. Особое внимание в докладе было уделено христианизации императорского искусства и «империализации» христианского искусства.

Тематика пленарного заседания 1-й секции рассматривалась и на «послеобеденных» секционных заседаниях. Так, на заседании 5 — «Символизм и литургия: развитие плана раннехристианской церкви» — подчеркивалось, что в то время, как ученые особое внимание уделяли проблеме происхождения христианской базилики, они почти не занимались проблемой генезиса другого важного, хотя и менее распространенного типа — тетраконхи, от которого дошло около 20 образцов (сообщение В. Е. Клейнбаур, в котором автор считает этот тип «новшеством века Константина», а не ответвлением от архитектуры позднеантичного дворца времен Адриана, как считалось ранее). На заседании 7 — «История церкви: III—VII вв.» — интересным было сообщение Р. Братоша «Преследование христиан при императоре Нумериане: исторический факт или конструкция византийских историков и агиографов?» (утверждается последнее). На заседании 70 — «Язычество и христианство в эпоху поздней античности» —

говорилось о христианизации религиозных обрядов местных языческих культов, о сосуществовании на одних и тех же местах христианских и языческих церковных или храмовых организаций, о заимствовании культурных форм новой религии. Автор сообщения Ф. Громбли показал, что дохристианские культы, особенно посвященные хтоническим божествам (Артемиде, Кибеле и др.), были трудны для их искоренения из-за связи с «трусами и днями» средиземноморского агрикультурного этоса, поэтому же не могло быть и резкого разрыва между старой и новой религиями. О нескольких расправах над язычниками (например, над язычником Павлом) в конце VI в., свидетельствующих о возросшей интолерантности в обществе по отношению к еретикам и язычникам и о появлении народного мнения, что язычники — это чародей, маги, имевшие контакты с оккультным миром, говорилось в интересном сообщении канадской исследовательницы Ф. Шлоссер.

На пленарном заседании 2-й секции, посвященной теме «Изменения в городской жизни ранней Византии», обсуждались следующие проблемы: 1. Развитие Константинополя как городского центра (докладчик К. Манго), 2. Изменения в городской жизни ранней Византии в свете археологических данных (докладчик Дж. Рассел), 3. Городской характер ранневизантийской империи: географический аспект (докладчик И. Кюдер), 4. Переход от римского к византийскому праву (докладчик Сп. Троянос). Планировалось также выступление французского ученого А. Гийу с докладом «Повседневная жизнь в ранневизантийскую эпоху: Эвсебей — набожность (лексикографический аспект)», но он не смог приехать на конгресс, и его доклад не обсуждался (доклад опубликован в актах конгресса).

В докладе ученого из Оксфорда К. Манго, построенном на материалах его недавно вышедшей книги «Городское развитие Константинополя в IV—VII вв.» (Париж, 1985), были рассмотрены топографические аспекты становления Константинополя как городского центра, видоизменение и «экспансия» городской территории на протяжении веков. Несмотря на то, что древний Византий существовал до Константина 1000 лет, он никогда не был крупным центром, находясь на обочине цивилизованного мира. В этом отношении Константинополь — образование искусственное (подобно Вашингтону, Петербургу, Анкаре). После своего основания в 324 г. город стал быстро развиваться, и его население с 20 примерно тысяч, которые оно насчитывало в древнем Византии, возросло в середине V в. примерно до 350 тыс. Территория города подверглась нескольким последовательным расширениям — при Константине, Юлиане (с 362 г.), Феодосии I, Феодосии II (413 г.). Сам Константин не планировал коренной перестройки древнего Византия, главные черты которого в основном не изменились. Его собственный форум со знаменитой порфировой колонной в центре был по-

строен за стенами древнего города; архитекторы Константина заложили основы нового «добавочного» города, хотя последний какое-то время оставался незастроенным и незаселенным, а правительственные здания, резиденция патриарха, места увеселений и торговый центр оставались сконцентрированными внутри древнего города, где в основном и проживало в то время население. В целом же примерно к середине V в. город уже не ограничивался территорией, обнесенной даже построенными Феодосием II «длинными стенами», занимая практически территорию нынешнего Стамбула, включавшую пригород Гебдомон на западе, Галату на противоположной стороне бухты Золотой рог, город Халкедон на другом берегу Босфора и другие многочисленные *emporia* и *proastia*.

В докладе характеризуются разного рода постройки, необходимые для функционирования городского организма (гавани, зернохранилища, акведуки, цистерны, форумы, отдельные дома и дворцы, городское кладбище), рассмотрены вопросы их хронологии и локализации. Думается, что автору следовало бы специально поставить вопрос об исторической экологии Константинополя, что позволило бы еще более четко обозначить некоторые специфические проблемы развития городской территории.

«Поворотным пунктом» в развитии Константинополя как городского центра Манго считает середину V в., когда начинается период «социальной напряженности, мятежей и частых пожаров», наиболее известным из которых является пожар 532 г. во время восстания Ника. По мнению Манго, Юстиниан, воздвигая постройки, о которых сообщает Прокопий, лишь восстанавливал то, что сгорело во время восстания Ника, не меняя плана города. Строительство, впрочем, продолжалось вплоть до начала VII в., а затем начинается упадок, вызванный недостатком финансов, всечасными бедствиями, «великой чумой» 747 г. Стиль жизни в столице решительно изменился в «темные века»; за исключением ипподрома, где бега еще устраивались несколько раз в году скорее как церемонии, чем спортивные состязания, все прочие места увеселений исчезли. Большие публичные бани пришли в упадок или использовались для других нужд, пурпаса были брошены. Общественная жизнь сконцентрировалась в церквах и на рыночных площадях, под которые были приспособлены прежние форумы. Эскизно намечены и дальнейшие судьбы города, вплоть до Палеологов.

«Плюсы и минусы» археологического метода в изучении византийских городов в период VI—VII веков — так можно было бы точнее определить предмет доклада Дж. Рассела. Подчеркивая избирательность результатов археологических раскопок, их спорадичность и концентрацию на ограниченной территории, что само по себе ведет к перекосам в оценках, докладчик считает, что масштаб искажения или прямой ошибки возрастает

от неверного толкования характерной для позднеримских и византийских слоев сложной стратиграфии. Эти слои «перемешаны эрозией и контаминацией» из-за их близости к поверхности. У исследователя возникает опасное искушение прояснить сложности стратиграфии смешением слоев из разных участков территории города с целью построить более вразумительную картину. Такая «рационализация» особенно опасна там, где есть желание связать полученные в результате раскопок данные с каким-либо известным историческим событием. Здесь возникает реальная опасность создать порочный круг, в котором теория, сначала допущенная в качестве гипотезы, оказывается возведенной в статус исторического факта, а будучи наделенной этим «ложным авторитетом», она затем используется для датировки или идентификации новых археологических феноменов (положение иллюстрировано примером из истории раскопок г. Сарды).

Другой разновидностью археологического свидетельства, чреватого неверной интерпретацией, являются, по мнению Рассела, монеты, датировка которых совпадает с датировкой слоев, в которых они найдены. Общей презумпцией в деле применения нумизматического свидетельства в археологической интерпретации считается возможность зафиксировать *terminus post quem* для данного слоя или места. Корректность этого приема, однако, предполагает подлинную герметичность, закрытость данного слоя, а это в «позднеримских и византийских» слоях случается менее часто, чем принято думать. Даже когда это условие соблюдено, считает докладчик, ссылаясь на пример мозаичного пола Христианской церкви в Анемурне, где были найдены монеты, — результаты часто разочаровывают. Тем не менее, автор, по его словам, не имел намерения дискредитировать вклад археологии в освещение состояния византийской урбанистики VI—VII вв., он только призывает к большей осторожности в интерпретации ее данных. Он выявляет круг тех проблем, для решения которых археологический метод подходит больше всего (реконструкция общей картины эволюции города, внутренних изменений, комментариев к социальным и экономическим процессам, о которых известно из других исторических источников). Что касается непосредственно византийских городов VI—VII вв., то археологические данные свидетельствуют не об исчезновении их, а лишь о более или менее серьезном упадке в этот период, об изменениях в их структуре.

Непросто определить предмет доклада австрийского ученого И. Кодера. Скорее всего, это — экономическая география ранневизантийского города; целью же доклада была, по определению самого автора, «попытка указать дополнительные методы подхода, которые могли бы позволить более ясно описать феномен города в Византии в его взаимодействии с сельской округой», состояние сети населенных пунктов в начале царствования Юстиниана I, т. е. накануне корен-

ных демографических перемен в результате персидской войны (540 г.) и неоднократных вспышек эпидемии чумы начиная с 541—542 гг. Докладчик констатирует постепенное сглаживание контрастов в размещении городов на территории империи: в то время как в провинциях с исключительно большим числом городов еще в I в. (например, в Азиане, Галатии, Македонии, Ахайте) их количество к V в. резко снизилось, в провинциях с относительно немногочисленными городами ситуация практически осталась той же. И если при этом экономическое развитие сыграло свою роль, то это, по мысли Кодера, не должно от нас заслонять того факта, что принимались также соответствующие меры некоторыми императорами, рассматривавшими равномерную плотность (но не слишком густую) сети городов как гарантию регулярного сбора налогов и контроля власти. Христианство тоже способствовало этому (даже места христианского паломничества могли стать городами, не имея раньше первоначального базового поселения). Византийский город IV—VI вв. определяется докладчиком как поселение со значительной долей неаграрных функций и с населением, занятым в разнообразных сферах; это компактное, часто уже укрепленное поселение с высокой плотностью построек, другими особенностями которого являются центральная администрация, экономические и культурные функции для сельской округи и для возможных пригородов, а также роль посредника по отношению к более крупным центрам. Это города меньше «*Ackerbürgerstädte*», чем классический полис.

Используя для количественной характеристики сети византийских городов традиционные письменные источники и прежде всего «Синекдем» Иерокла, перечень Георгия Кипрского и списки епископств, Кодер стремится расширить рамки возможности разработки темы за счет применения к византийским реалиям разработанных ранее на ином материале урбанистических теорий. Так, теория размещения (*location theory*) фон Понена (1826 г.) о корреляции городского центра и его сельской округи дает возможность постулировать некую идеальную «экономическую» (а не измеряемую в километрах) дистанционированность для продуктов сельского хозяйства по отношению к их рынку и, наоборот, для некоторых неаграрных услуг по отношению к их потребителям, находя свое наглядное выражение в модели концентрических зон, образующихся вокруг рынков (каждая зона соответствует одной категории продуктов). Другая же теория — «теория центрального пункта» (*central place theory*) — устанавливает систематическую связь между количеством, размером, распределением и значением городских центров обширной зоны, основываясь теперь уже не на положении города относительно его сельской округи, а на его размещении относительно других центральных пунктов в данной обширной зоне, принятой за модель, с ее сетью транспортных связей, экономики, ад-

министрацией, населением и т. д., т. е. в «ойкумене». Согласно этой теории, городские центры одного ранга равномерно распределены по сельской округе, находясь на равном расстоянии один от другого; существует особый порядок, иерархическая градация городских центров по их размеру и значению; существует три нормальных типа в системе городских центров, в зависимости от того, какой принцип был решающим в происхождении и формировании сети городских центров — рыночный, административный или транспортный; соответствующая территория принадлежит каждому типу городского центра, с которой он образует функциональное пространственное единство (соответственно, эти территории также выстраиваются в иерархический ряд от самых малых единиц к самым крупным, и наоборот). Основа этой теории Христаллер не считал круг идеальной моделью размещения городских центров разного значения в сельской зоне, но скорее правильный шестиугольник, составленный из шести правильных треугольников.

Применив эти теории (в несколько измененной форме) к византийской ситуации III—VI вв., в частности, выраженной в «Синекдеме», докладчик делает попытку определить для некоторых районов империи, насколько высокой была плотность центральных местечек, «не только гарантировавшая минимум администрации, но и позволявшая сделать выводы об уровне рыночной активности, высказать предположение о том, что центральные местечки этих районов были именно городами».

Особняком по отношению к указанным докладам пленарного заседания 2-й секции стоит доклад греческого ученого Сп. Трояноса, посвященный праву, — результат непонятого пренебрежения историей права практически на всех международных конгрессах византистов, которой упорно не выделяется особой секции.

Докладчик исходит из бесспорного тезиса о том, что «право не есть понятие статическое, но по преимуществу динамическое, вследствие изменчивости факторов, на основе которых оно всякий раз формируется». Параллельно с переменами в административном делении позднеримского государства отмечались существенные изменения и в форме государственного устройства — результат общественных процессов, которые были приведены в движение экономическим кризисом и сопутствующей перегруппировкой общественных сил; в частности, усилившаяся уже во времена принцепата власть императора приобретает некоторый абсолютистский характер в период домината: император становится бесконтрольным носителем законодательной власти. Возникает необходимость «легализации» этих новшеств в сфере государственного устройства и государственной власти, а это, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на право, как с точки зрения языковой оболочки юридических норм, так и

с точки зрения их содержания. С целью приведения их в соответствие была проведена реорганизация служб императорской канцелярии, ответственных за выработку текста законов, в частности, *scrinium libellorum*. Характерной чертой этой реконструкции, которая начала осуществляться уже в начале IV в., было укомплектование кадров этих служб лицами, которые уступали в юридическом образовании римским юристам классической эпохи, но зато были превосходно подготовлены в области риторики. Именно «риторизация» характеризует все законодательные акты ранневизантийского периода, включая и законы Юстиниана, вопреки классицистической тенденции, которая отличает все законодательное творчество этого императора. Широкое использование всякого рода риторических схем придало новую форму структуре и внешнему виду законодательных текстов, основным фактором в формулировании которых отныне становится (и сохраняется на протяжении всего существования Византии) императорская пропаганда.

В докладе дана характеристика основных категорий законодательных актов, формы кодификаторской деятельности византийских императоров. Возражая Казеру, который считал юстинианово право римским, а не греко-римским, не эллинистическим и не византийским, Троянос говорит, что следуя его логике, можно было бы прийти к такому же выводу и в отношении постюстинианова права, во-первых, потому что в византийских законодательных актах редко встречаются распоряжения об отмене ранее действовавших и теперь устаревших норм, и, во-вторых, потому что какая бы то ни было «морфологическая дифференциация» того или иного института в рамках единого развития свидетельствует о непрерывности следующих одна за другой фаз эволюции. Следовательно, считает Троянос, всякое развитие правовых институтов включает в себя и понятие *continuitas* и поэтому ясно, что предпочтение того или иного термина (позднее или постклассическое римское право, ранневизантийское право и т. д.) — из области «словотворчества», не вызывает возражения по существу и отражает лишь «идеологические различия». Тем не менее, постулируя «непрерывный континуитет единой государственной юстиции», древней римской империи, которая, конечно же, не отбросила официально свой облик под формой *imperium christianum*, а также единство права между древним и новым Римом, Троянос фактически скатывается на те же позиции, явно вступая в противоречие со своим первоначальным постулатом и недооценивая революционного влияния на римское право христианства и народного права, коренным образом изменивших облик права, ставшего византийским. Охват этим понятием также канонического церковного права делает его совершенно отличным от римского права.

Заключительное пленарное заседание Конгресса было посвящено изучению

Средиземноморского мира в XIII в. и места в нем Византийской империи. В докладе Б. Ферьянчича (СФРЮ) «Государства и международные отношения» была проанализирована новая расстановка сил, возникшая после IV Крестового похода, и византские его перемены в традиционной системе межгосударственных отношений. После 1204 г., отметил докладчик, был разрушен миф о непобедимости вечной и универсальной империи, находившейся под прямым божьим покровительством. Потеряв свой мистический престиж, Византия стала равноправным партнером других, прежде всего — балканских славянских народов, освободившихся от всякой зависимости от империи ромеев. Начало этому процессу положили события, предшествовавшие IV Крестовому походу: восстание на севере Балкан и образование II Болгарского царства, а также фактическое признание Византией автономности Сербии по договору между Алексеем III Ангелом и Стефаном Неманей. Ферьянчич рассмотрел по этапам весь процесс борьбы за восстановление Византийской империи после 1204 г. и роль в нем балканских стран. По его мнению, неправильно считать наследницей традиций византийской государственности только Никейскую империю, игнорируя, в частности, такую же роль Эпира. Ферьянчич считает, что возврат к византийскому универсализму при Михаиле VIII Палеологе был непродолжительным. Он еще просматривается в первые годы правления Андроника II, но в конце XIII — начале XIV в. Византия перестает быть великой державой, превращаясь во второстепенное государство, не оказывавшее существенного влияния на окружающий мир.

Д. Якоби (Израиль) в своем докладе подробно остановился на основных тенденциях экономического развития стран Средиземноморья в XIII в., показав тесную взаимообусловленность процессов товарного обмена в разных регионах бассейна этого моря. Уже в XIII в. Византия была интегрирована в общую систему экономических связей Западной Европы и Ближнего Востока, в которой доминировали итальянские морские республики. Д. Якоби выделил основные этапы складывания этой системы, а также указал на значение торговых кризисов в переориентации торговых путей и в изменении конъюнктуры рынков.

И. Мейендорф (США) выступил с докладом: «Средиземноморский мир в XIII в. Богословие: Восток и Запад». Он отметил различие самого понятия «теология» на Западе и Востоке. К XIII в. в Западной Европе теология была монополизирована клириками и стала особой схоластической наукой, в то время как в Византии она рассматривалась не как особая дисциплина, а как высшая форма знания, доступная как клирикам, так и мирянам. До второй половины XIV в. византийские богословы еще не делали серьезных попыток познаться с сущностью и методами латинской теологии. Несмотря на это, политическая и экономическая об-

становка, сам факт существования Латинской Романии, деятельность католических монашеских орденов приводили к контактам и диспутам. Их результатом могло быть принятие отдельными греками латинских томистских воззрений. Однако позиция католической церкви, требовавшей достижения церковного единства лишь путем «обращения» греков, мало изменялась. Православная же сторона, напротив, постепенно открыла в ключевом споре о *filioque* не просто дискуссию о формуле, но и средство углубления традиционных триинтаристских представлений, унаследованных от каппадокийских отцов церкви.

В докладе Н. Драндакиса (Греция) были рассмотрены росписи церквей в селении Мани (Лакония), которые автор подверг тщательному иконографическому и стилистическому анализу.

А. Д. Алексидзе (СССР) выступил на конгрессе с докладом «Литературные параллели и взаимосвязи, Восток-Запад (на материале романической литературы)». Исследователь показал глубинные внутренние связи византийской литературы со средневековыми литературами Запада и Востока, место и значение византийского романа в мировой литературе периода развитого средневековья. Докладчик обнаруживает связь греческого романа XIII в. с эллинистическими и антиортодоксальными традициями романа предшествующего столетия. Наряду с этим общее ослабление связей с классическими традициями, свойственное всей византийской культуре XIII в., компенсировалось приближением последней к проникнутым большей творческой свободой, способностью к эксперименту и новации, средневековым культурам латинского Запада. Эти амбивалентные процессы подготавливали почву для появления греческого «рыцарского» романа, написанного на народном языке.

В ходе конгресса было проведено несколько заседаний круглого стола по наиболее дискуссионным проблемам византиноведения. Эти заседания строились в форме живого обсуждения участниками предлагавшихся председательствующими вопросов. Таким образом были обсуждены темы: «Свободные и зависимые крестьяне в Византии» (председатель — Я. Караяннопулос); «Византийское наследие в Средиземноморском мире» (председатель — Э. Арвейлер); «Византийские библиографии» (председатель — Р. Томсон); «Византия и славяне» (председатель — В. Тышкова-Займова).

Особый интерес вызвало заседание круглого стола, посвященное проблеме крестьянства. Председатель «круглого стола» — профессор И. Караяннопулос отстаивал позицию так называемой юридической школы, сторонники которой уделяют преимущественно внимание правовому положению крестьян. Греческий ученый стремился к проведению четкой грани в характеристике социального и правового статусов крестьян. Положение париков характеризуется многими чертами, ограничивающими на практике их личную свободу. Соответственно, в вы-

ступлениях Караяннопулоса и многих других участников дискуссии акцентировался лично свободный статус византийских париков, являвшихся, по мнению Караяннопулоса, арендаторами без контракта.

К. В. Хвостова в своем выступлении руководствовалась иными принципами оценки данных источников. Положение париков, по ее мнению, не может быть односторонне охарактеризовано с учетом данных, отражающих их юридический статус. Необходимо принимать во внимание сведения, характеризующие их реальное социально-экономическое положение, которое, несмотря на то, что они были юридически свободными, являлось в экономическом плане зависимым, а в социальном — приниженным. Понятие «аренда без контракта» является неопределенным, поскольку в средневековой литературе для характеристики соответствующего владения, распространен термин «держание». В условиях византийской действительности юридические нормы не всегда отражали реальную ситуацию (на этот счет имеются прямые указания в источниках). Правомерным является комплексный подход к изучению положения византийских крестьян, учитывающий как юридические особенности их статуса, так и фактический социально-экономический статус. Подобный подход заставляет признать сходство положения византийских крестьян (париков) и феодально-зависимых крестьян на Западе, а также отличие первых от положения, с одной стороны, различных групп арендаторов, а с другой — свободных мелких собственников в Византии. По мнению К. В. Хвостовой, анализ реального статуса византийских крестьян невозможен без обработки данных византийских практиков на ЭВМ и применения количественных методов.

Недостаточность юридического подхода и необходимость комплексного анализа данных при изучении положения византийских крестьян подчеркивались в выступлениях главы советской делегации члена-корреспондента З. В. Удалцовой, отметившей важность учета такого фактора, как внеэкономическое принуждение, в выступлениях Г. Г. Литаврина, который подробно остановился на соотношении аренды и парикки в X—XI вв., а также болгарского ученого Д. Ангелова и других.

В целом круглый стол, посвященный проблеме крестьянства, показал значительный вклад исследований советских ученых, посвященных аграрной тематике, в развитие современной византистики. Дискуссия показала также необходимость эффективных дальнейших исследований в нашей стране в данном направлении, в частности, привлечение молодежи к исследованию еще не решенных аспектов положения крестьянства с учетом новых источников.

На круглом столе по теме «Византийское наследие в Средиземноморском мире» в широком плане дискутировалась проблема осознания византийцами значения этого водного бассейна в жизни империи.

Э. Арвейлер и М.-Э. Конгурдо (Франция) отмечали постепенный переход от концепции «внутреннего моря» в эпоху Юстиниана I к представлениям о море как источнике внешней опасности, воплощении изменчивости и нестабильности в XIII в. Об экономическом значении транссредиземноморских связей в различные периоды истории Византии говорили А. Лайу (США), С. П. Карпов (СССР) и Й. Кюдер (Австрия). На эту же тему было сделано сообщение Г. Вайса (ФРГ), подчеркнувшего необходимость изучения истории Византии как части Средиземноморского мира, развитие которого в географическом, экономическом, политическом и социальном аспектах отличалось общностью процессов.

Проблемы истории поздней Византии обсуждались на заседаниях нескольких секций. Ряд сообщений касался провинциальных городов в эпоху Палеологов. По мнению Дж. Баркера (США), Фессалоника в XIII—XIV в. превращается в политический центр Балкан, в подлинного соперника Константинополя. Интеллектуальная жизнь этого города в XIV в. по материалам эпистолографии была рассмотрена Ф. Кьянкой. Р. Эдвардс (США) осветил рост другого города, Айяса в Киликии, с XIII в., связав его с оживлением торговли в регионе. Докладчик детально проанализировал также этапы фортификационного строительства в Айясе. М. Живойинович (СФРЮ) в своем сообщении стремился продемонстрировать, что византийские эмпории и сербские «трги» являлись прежде всего как городскими, так и сельскими поселениями со статусом «рыночных мест».

В разных аспектах изучалась история Латинской Романии: это и сообщение П. Локка (Великобритания) о франкских башнях в Центральной Греции, и рассмотрение культуры и населения Кипра под властью Лузиньянов в XIII в. Ж. Ришаром (Франция), и изучение биографий Петра из Кандии на Крите, ставшего затем римским папой Александром V (Д. Джеанакопос, США), и Симона из Константинополя, доминиканца, игравшего видную роль в греко-латинской полемике конца XIII—начала XIV в. (М.-Э. Конгурдо, Франция).

Проблемы истории Причерноморья изучались на заседании специальной секции. Е. Тодорова (НРБ) осветила сдвиг в экономическом развитии региона, произошедший в XIII в. С. П. Карпов остановился на роли Южного Черноморья в системе экономических связей Запада и Востока в XIII—XV вв. Анализ агрографического наследия Понтийской области, затем — Трапезундской империи на примере Житий св. Евгения был проведен Я. О. Розенквистом (Швеция).

Тема «Византия и турки» также получила освещение. Дж. Лэнгдон (США) собрал данные источников о походах Иоанна III Ватаца против турок в 1225—1231 гг. Э. Захариаду (Канада) остановилась на проблемах социальной стратификации османского общества.

Специальное секционное заседание было посвящено теме «Византия и Армения».

На нем выступили Р. М. Бартикян с докладом «Хронология Матфея Эдесского — важный источник понимания Византии», остановившийся на тех византийских официальных документах, греческие оригиналы которых утеряны, и тексты их сохранились лишь в армянском переводе, а также Е. Д. Джагапанян, проанализировавшая данные жития Кирилла Скифопольского об армянах. Р. М. Бартикян принял участие в дискуссии коллоквиума «Византийская администрация на Востоке в XI в.» (где был зачитан также доклад В. А. Арутюновой-Фиданян «Особенности военно-административных округов и администрации Византийской империи в Армении в XI в.»).

М. В. Бибиков выступил также на заседании круглого стола по византийской библиографии, руководимом директором Думбартона Окса Д. Томсоном.

Проблемам отношений славян и Византии на 17-м Международном конгрессе было уделено чрезвычайно большое внимание: помимо пленарного заседания 6 августа, посвященного этой теме, были проведены еще три сессии и один «круглый стол» по славяновизантийской тематике.

На пленарном заседании были заслушаны и обсуждены 8 докладов. М. Нистазопулу-Пеликиду (Греция) в своем докладе «Славяне в Византийской империи» отстаивала мнение, согласно которому как археологические находки, так и данные большинства письменных памятников (за исключением «Монемвасийской хроники») позволяют говорить лишь о набегах славян на Грецию до 586 г. В период 586—609 гг. набеги вообще прекратились, а заселение славянами Греции началось только после 609 г. Докладчица полагает, что славяне на юге Греции не были столь организованы, как в Македонии, да и вообще, на ее взгляд, славяне стали земледельцами лишь со 2-й половины VII в., оставаясь до этого времени, в целом, на том примитивном уровне развития, который отражен в «Стратегиконе» Маврикия. В конце доклада, касаясь вопроса о политике Византии в отношении славянских поселенцев, автор квалифицирует ее как реалистическую и целенаправленную. Ассимиляция славян, по мнению докладчицы, началась в Греции еще в VII в., а завершилась в основном в IX столетии.

В докладе Г. Г. Литаврина (СССР) «Византийцы и славяне — взаимные представления» проводилась мысль о том, что в высших социальных слоях славянского общества как в догосударственный, так и в государственный период в процессе конфронтации с Византией были выработаны собственные политические идеи, заключавшиеся в отрицании прав «греков» на «римское наследство» и служившие для славянской знати средством идеологического обоснования своих притязаний на имперские земли.

В интересном докладе С. Франклина (Великобритания) «Рецепция византийской культуры славянами» был по-новому сформулирован вопрос о «трансля-

ции» культуры Византии. Славяне усваивали новые духовные ценности активно, избирательно, и этот процесс еще не нашел в науке адекватного терминологического определения. Остроумно показав сложность изучения византийско-славянских культурных контактов, автор предложил, не перенося центра тяжести на рассмотрение конечного итога, внимательно исследовать самый процесс трансляции. Докладчик показал также, что в ходе культурного взаимодействия славян и Византии имело место и взаимное непонимание, и прерватные столкновения, продемонстрировав справедливость этого тезиса на ряде примеров из древнерусской литературы.

В докладе Э. В. Удальцовой (СССР) «Киев и Константинополь. Культурные отношения до XIII в.» были раскрыты сложные и многогранные культурные связи Византии и Древней Руси домонгольского периода. В ходе развития и углубления этих связей Древняя Русь не только воспринимала высокие духовные и культурные ценности, созданные в империи, но творчески разрабатывала и развивала их, переосмыслила и видоизменяла в соответствии с собственными культурными традициями и своими духовными и общественными запросами. Сформировавшаяся в результате эндогенного развития и широкого взаимодействия с культурой других народов (не только с византийской цивилизацией), древнерусская оригинальная культура отличалась рядом ярких самобытных черт: глубоким гуманизмом, терпимостью в отношениях с другими народами, представлявшими иные языки и иные религии, духовной стойкостью.

Выступления Д. Ангелова (НРБ) и И. Божилова (НРБ) представляли собой содоклады на общую тему «Преслав и Константинополь: зависимость и независимость в культурной сфере». Д. Ангелов говорил о том, что обширность болгарских заимствований из Византии определялась сходными социально-экономическими условиями развития обеих стран. Влияние империи осуществлялось не только в официальной сфере, но и на низовом уровне: в Болгарию проникали из Византии апокрифы, еретические учения. Но при этом чем больше заимствовалось элементов греческой культуры, тем быстрее развивалось и крепло собственное славянское самосознание болгар. Они видоизменяли полученное наследие в соответствии с собственными условиями и потребностями.

И. Божиллов остановился на деятельности царя Симеона, отмечая в ней два этапа: до 913 г. тот стремился поставить свою страну вровень с Византией, создать собственную цивилизацию с центром в Преславе. Но затем он пришел к заключению, что в рамках византийской политической идеологии двух культурно-политических центров быть не может — отсюда рост агрессивных тенденций в политике Симеона в отношении к Византийской империи.

На пленарном заседании 6 августа состоялась еще два доклада по пробле-

мам славяно-византийского культурного взаимодействия: доклад В. Корача (Югославия) «Архитектура славянских стран и ее византийские истоки» и доклад П. Милькович-Пепека (Югославия) «Христианская архитектура у македонских славян в период с сер. IX до конца XII в.». Путем углубленного анализа памятников архитектуры авторы обосновали идеи, в целом соотносимые с положениями предшествующих докладов.

К пленарным докладам, посвященным славяно-византийским культурным контактам, примыкали, в сущности, две особые секции, состоявшиеся во второй половине дня 4 августа: тема первой сессии — «Византийская культура у южных славян», тема второй — «Византийская культура у южных славян и румыны» (заглавия тем не представляются удачными: как в пленарных заседаниях, так и в докладах на этих двух сессиях было показано, что культура славян не может быть попросту приравнена к византийской; невозможно говорить и о «румынах» в период до конца существования Византии, так как румынская народность сформировалась позднее).

На этих двух сессиях было прочитано до 10 докладов, посвященных в основном вопросам взаимодействия местных (южно-славянской и «румынской») культур с византийской в сфере литературы, живописи, архитектуры и языка.

В первый день работы конгресса (4 августа) в конце дня состоялось секционное заседание «Византия и балканские славяне». Его вел Ф. Конт (Франция). Т. Василевский (Польша) привел некоторые новые доводы в пользу тезиса о славянском происхождении Кирилла и Мефодия. В частности, он указал на то, что великоморавский князь Ростислав просил у императора Михаила прислать миссионеров, «хотя есть многие из Италии, Греции и Германии». Следовательно, братья — не греки, а славяне. Тот факт, что они родились в Солуни, отнюдь не доказывает обратного — ведь и в далматинских городах селилась славянская аристократия.

Б. Панов (Югославия) сделал доклад на тему: «Политика Византии по отношению к македонским славянам, сказавшаяся на деятельности Кирилла и Мефодия». По мнению докладчика, миссионерская деятельность братьев, которые рассматриваются как славяне по происхождению, была частью усилий Византии по привлечению на свою сторону македонских славян в условиях борьбы империи с Болгарией за господство в этом районе в 30—50-х годах IX в.

В докладе Дж. Шепарда (Великобритания) «Симеон Болгарский, миротворец» была предпринята попытка доказать истинность этого, присвоенного себе самим царем, «титула»: лишь в 20-х гг. X в., по мнению докладчика, политика Симеона приобрела агрессивный характер.

М. Маллет (США) в докладе «Византия и славяне. Взгляды Феофилакта Охридского» проводила мысль о том, что широко распространенное в историографии мнение о пренебрежительном отношении

архиепископа к своей пастве опирается на те пассажи в его сочинениях (прежде всего в письмах), которые выдержаны в духе риторического канона: письма «из ссылки» по литературным нормам той эпохи и должны были содержать жалобы, тогда как сама деятельность Феофилакта свидетельствует, как думает докладчица, о его уважении к славянской культуре.

8 августа под председательством Т. Грегори (США) была проведена сессия «Славяне в Византийской империи». В докладе С. А. Иванова (СССР) «Общественное устройство древних славян сквозь призму византийской политической мысли VI в.» делалась попытка увязать сообщения византийских источников о славянском обществе с современными этой информации сдвигами в представлениях византийцев о характере власти в самой империи.

С. Садечки-Кардош (Венгрия) остановился на вопросе о состоянии славяно-аварских связей в эпоху заселения славянами балканских провинций Византии. Он показал многообразие отношений разных славянских племен с Аварским каганатом в этот период: от полного подчинения до равноправного союза.

Доклад Т. Олайош (Венгрия) назывался «Несколько замечаний о славянском населении в Элладе». Докладчица использовала данные из неопубликованного «Жития св. Панкратия», где упоминаются «авары». Скорее всего, по ее мнению, под этим этноконом фигурируют славяне, жившие в Аттике.

С. Врионис (США) рассмотрел в своем докладе «Славяне в византийской Греции. Находки керамики в Олимпии» известные на сегодняшний день 39 сосудов пражского типа, которые трудно датировать точно, но следует все-таки относить ко времени не позднее конца VI — начала VII в. (Весьма важная констатация при остроте ведущихся дискуссий о времени появления славян на Пелопоннесе.)

Д. Россер (США) посвятил доклад болгарскому нападению в X в. на «Большой Истмийский коридор». Поход 918 г., отмеченный в «Хронике Галаксиди», проходил, как устанавливает автор, по тому же пути, по которому совершались и ранние славянские вторжения в Грецию: он шел в обход крупных городов эгейского побережья. В настоящее время ведется археологическое исследование этого маршрута Фокидо-Локридской экспедицией Чикагского Университета.

В докладе П. Веллсариу (Греция) «Средневизантийские крепости Аркадии и славянское расселение» были сопоставлены топонимические данные о наличии славян на Пелопоннесе с данными «Морейской хроники» о военном присутствии Византии в этих же районах.

Особенно оживленной и плодотворной была дискуссия по проблеме «Византия и славяне» на заседании «круглого стола» 5 августа, проведенном под председательством В. Тышковой-Займовой (НРБ). Помимо председателя, с краткими сообщениями и изложением своих

взглядов на проблему выступили Я. Караяннопулос (Греция), Д. Ангелов (Болгария), Г. Г. Литаврин (СССР), И. Божилов (НРБ), М. Нистазопулу-Пеликиду (Греция), В. Папулия (Греция), А. Поппе (ПНР), С. Франклин (Великобритания), С. Садечки-Кардош (ВНР), Я. Н. Шапов (СССР), Ф. Конт (Франция), Й. Коттер (Австрия) и др.

Основные отличия точек зрения проявились при оценке уровня общественного развития славян в эпоху их расселения на Балканах, времени и масштабов заселения славянами Греции и Пелопоннеса и характера отношений славян с византийскими властями. По мнению греческих ученых, в историографии славянских стран по всем этим вопросам имеют место противоречия. Историкам же славянских стран представляются совершенно не оправданными ни данными письменных источников, ни материалом археологии попытки представить славян VI—VII вв. в качестве кочевников, не знавших еще элементарных форм социальной и политической организации, как и утверждения о быстром процессе ассимиляции славян Греции. В ходе дискуссии, носившей коллегийный и творческий характер, прозвучало много интересных наблюдений и новых идей. Общим было мнение о необходимости более тщательной источниковедческой работы, о дифференцированном подходе к разным регионам Балкан, где осело славянское население, о строгом учете местных изменений, которые несло с собой время.

Кроме заседаний, специально посвященных отношениям славян и Византии, в ходе работы Конгресса, в разных его секциях и на сессиях, было прочитано еще около десяти докладов, примыкающих или непосредственно относящихся к этой тематике. Большой интерес, в частности, вызвали доклады В. Ваврике (ЧССР) «Византийский святой за границей: византийские и оригинальные элементы в старославянском житии Мефодия», Ф. Возняка (США) «Дисконтинитет в создании балканских фем» и др.

6 августа одновременно с пленарным заседанием по теме «Византия и славяне» шла другая пленарная сессия, посвященная проблеме «Византия и арабы». Доклад Ф. де Маффей (Италия), собственно говоря, не относился к данной теме непосредственно. Докладчица говорила об укреплениях, построенных при Юстиниане I на восточном лимесе. Из источников рассматривались труды Прокопия и Псевдо-Захарии, а из крепостей — Мендон, Дара, Мартирополь, Феодосиополь, Амида.

Доклад У. Кеги (США) назывался «Граница: барьер или мост?» Автор обращает внимание на то, что первыми, уже при Ираклии, попытались стабилизировать границу византийцы. Опасаясь провинциального сепаратизма, он пресекает все попытки местных властей самостоятельно договариваться с арабами, поэтому долгое время на границе не возникло буферных государств.

По мнению Э. Джефриз (Австралия)

(ее доклад — «Арабы в византийской литературе»), в доисламский период арабы вызвали у византийцев мало интереса; кочевники оставались чужаками для городской цивилизации. В VII в., однако, и Византия перестала быть тем, чем была раньше, и арабы создали мощную конкурирующую цивилизацию. В этот период наблюдаются два подхода к ним: авторы типа Феофана рассматривают арабов не иначе, как божье наказание, но уже Иоанн Дамаскин проявляет к ним интерес. С течением времени возобладало отношение к арабам как к достойному и равному партнеру.

Доклад Х. Кеннеди (Великобритания) был посвящен истории мелькитской церкви от исламского завоевания до крестовых походов. По мнению автора, мелькитов гораздо сильнее отделили от Византии теологические разногласия с монофелитами и иконоборцами, нежели арабское завоевание. Мелькиты потому и сохранились, что сумели выработать и закрепить самобытную культуру на новой, арабоязычной основе. Византийская реконкиста в этих условиях могла лишь разрушить мелькитскую церковь.

Новым явлением было активное обсуждение в рамках конгресса проблем экономического развития Византии по материалам нумизматики. С обобщающим сообщением на эту тему выступила С. Моррисон (Франция). Тема «Монета как источник по истории византийской провинции» была вынесена на специальный коллоквиум. Выступая на нем, Р. П. Линднер (США) остановился на проблемах монетного чекана и монетного обращения в Анатолии XIII в., показав тесную связь денежных систем Византии, Трапезундской империи, сельджуцких владений и Ильханата, все более основывавшихся на серебряной монете, значение этого факта для развития торговых связей и роста политической автономности отдельных областей Малой Азии. С. Моррисон представила также коллективную работу ученых нескольких стран по составлению инвентаря находок монетных кладов VI—VII вв. на Балканах.

Внимание к вспомогательным историческим дисциплинам проявилось в организации в рамках Конгресса коллоквиумов и симпозиумов по сигиллографии, геральдике и генеалогии, работе специальных секций, посвященных «инструментам студиорум».

На заседаниях секций конгресса были затронуты и многие другие проблемы истории Византии. Некоторые из них заслуживают специального упоминания. Е. К. Банакек рассмотрел в своем сообщении некоторые проблемы права в произведениях отцов Восточной церкви. По мнению докладчика, источником рассматриваемых проблем были идеи Ветхого Завета. Понятие *δικαιοσύνη* по-разному понималось применительно к божественному правовому порядку и правовым нормам, регулирующим жизнь людей. Интерпретация смысла этого понятия неизменно вводит в недра эсхатологии. Определенный интерес представляет

попытка М. К. Бартузиса выявить личность в деятельности имперской канцелярии Византии. На основе статистического анализа регест Ф. Дельгера автор приходит к выводу о том, что периодом наибольшей активности в работе византийской канцелярии был конец года по византийскому календарю. Сообщение А. Фейе посвящено анализу многочисленных и противоречивых характеристик латиня, содержащихся в произведении Георгия Пахимера; делается попытка обнаружить связь каждого соответствующего высказывания византийского историка с политическими интересами Византии в соответствии с их пониманием Пахимером. П. Гунарадис в сообщении, посвященном «антиимпериалистическим тенденциям в Никейской империи», обращает внимание на данные Никиты Хониата о наличии в Никейской империи политических сил, не одобрявших устремления властей на овладение Константинополем. Странники таких воззрений проповедовали преимущество полиархии.

Содержанием выступления Г. Магулиса явились проблемы богословских диспутов при Комнинах по данным Никиты Хониата. Тематика этих диспутов не отличалась новизной, но их возобновление в рассматриваемый период свидетельствовало, по мнению докладчика, с одной стороны, о влиянии Запада, а с другой — о вмешательстве императора в церковные дела. Кроме того, диспуты отразили конфликты в среде высшего клира.

К. В. Хвостова выступила с докладом на тему «Случайное и необходимое в обществе в понимании Г. Пахимера». В докладе сделана попытка проследить на материале исторического сочинения Пахимера влияние на византийскую историографию античных традиций, а также концепций Аристотеля о случайном. В представлениях Пахимера античные идеи об истории, представления о ценности исторического опыта о дидактической роли истории, о возможностях человека ориентироваться в обществе и политике и предвидеть некоторые последствия своей деятельности органически сочетались с его ортодоксальным богословием. Особое внимание в докладе уделено проблеме понимания Пахимером в духе Аристотеля случайного как совпадения действия разных факторов-причин. Именно следование традициям Аристотеля в понимании случайного позволило Пахимеру воспользоваться в духе Иосифа Флавия идеей о стохастическом вероятностном прогнозе в обществе.

Проблема единства и борьбы христианства и имперского начала в Византии — тема выступления Д. Миссиу. Автор полагает, что развитие соответствующего противоречия составляло содержание всей византийской истории, определяя политическую идеологию и ее смену на различных этапах борьбы. Противоречия светских и клерикальных кругов, сепаратистские устремления различных епископатов, византийский цезарепапизм — все эти явления означали проявления названного противоречия. В сообщении

Т. С. Лунгиса были затронуты вопросы изменений в политической идеологии Византии на протяжении ранне- и средне-византийских периодов. Ойкумена периода Юстиниана отличалась от тех принципов политической идеологии, которые были выражены в «De administrando imperio». Изменения в политике и идеологии обусловлены как социальными изменениями, так и переменами в международной обстановке. Выступление Давида Ольстера было посвящено рассмотрению истории постепенного сосредоточения в руках византийских императоров тех функций, которые ранее принадлежали представителям церкви. VI новелла Юстиниана четко их различает. Императоры-иконоборцы присвоили функции клира. При разбирательстве в отношении Максима Исповедника император уже выступал как толкователь богословских догм. Это имело соответствующие религиозные и политические последствия в эпоху иконоборчества.

Несомненный интерес представляло собой участие в конгрессе финских ученых, в частности, сообщение о чертах византийского иконографического наследия в Финляндии. Имело место, таким образом, расширение диапазона исследований в новом направлении. В этом плане интересно также сообщение Ж. Лафонтен-Досоль о влиянии византийского искусства на различные формы прикладного и изобразительного искусства в Бельгии.

По случаю конгресса был организован ряд выставок: «Серебряные сокровища из ранней Византии» (Уолтерс Артс Галлери, Балтимор); «Византийские коллекции Думбартон Окса» (Вашингтон); фотовыставка «Армянская архитектура» (Джорджтаунский университет); «Византия в Принстоне» (Принстонский университет). Новейшие публикации по истории Византии были собраны в Джорджтаунском университете. Для участников конгресса были даны концерт Греко-византийского хора из Афин под руководством Д. Ангелопулоса и театрализованное представление «Вечер в Византии».

XVII Международный конгресс византистов продемонстрировал значительные достижения современного византиноведения, расширение его проблематики, обогащение новыми исследовательскими методиками. Вместе с тем дробность

секционных заседаний не всегда позволяла участникам присутствовать на интересующих их докладах по смежной тематике.

Собравшаяся на свое заседание по случаю Конгресса Генеральная ассамблея Международной ассоциации византистов избрала новое руководство ассоциации. Президентом ассоциации был избран И. Шевченко (Гарвардский университет, США), Генеральным секретарем — Я. Караяннопулос (Греция), вице-президентами: З. В. Удальцова (СССР), Д. Ангелов (НРБ), Р. Браунинг (Великобритания), М. Фрейзер (США), И. Ирмшер (ГДР) и др.

Почетными Президентами избраны Э. Арвейлер (Франция), А. Грабар (Франция), Г. Хунгер (Австрия), Б. Лаваньини (Италия), П. Лемерль (Франция), С. Рэнсимен (Великобритания) и Д. Закифинос (Греция).

Бюро ассоциации обратилось с официальной единодушной просьбой о проведении следующего XVIII конгресса византистов в 1991 г. в Москве. Конгресс с удовлетворением воспринял это обращение.

Советские византисты приняли самое активное участие в выступлениях с докладами и в дискуссиях на XVII конгрессе византистов в Вашингтоне. Ими рассматривались все основные проблемы этой научной отрасли, представленные на конгрессе. Важное самостоятельное место заняла русская, славянская проблематика, пленарные доклады по которой были сделаны советскими специалистами. Существенным моментом явилась и активизация использования русского языка в качестве рабочего языка конгресса. Характерно, что нередко полемика даже между зарубежными учеными шла на русском языке (на секциях «Византия и Русь», «Византия и славяне»).

Работа бюро Международной ассоциации подтвердила прочность советских позиций в ассоциации, а обращение ассоциации с просьбой о проведении следующего международного конгресса византистов в 1991 г. в Москве стало наглядным подтверждением роста авторитета и влияния отечественной школы византиноведения в международной научной жизни.

З. В. Удальцова, С. П. Карпов, Г. Г. Литаврин, И. П. Медведев, К. В. Хвостова, Я. Н. Щапов, С. А. Иванов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ВИЗАНТИНИСТОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН (МОСКВА, 16—20 ДЕКАБРЯ 1986 г.)

16—20 декабря 1986 г. в Москве, в Институте всеобщей истории АН СССР проходил очередной международный симпозиум византистов социалистических стран. Симпозиум проводился согласно плану Долгосрочной программы многостороннего сотрудничества Академий наук социалистических стран в области общественных наук на 1986—1990 гг.

по теме «История народов Европы (История Византии)». В работе симпозиума приняли участие ученые СССР, ГДР, ЧССР. Во главу обсуждения был поставлен кардинальный вопрос — «Социальная структура византийского общества VI—XIII вв.»

Одним из основных докладов симпозиума был доклад члена-корреспондента